

Протокол

для его сиятельства

Марта Зимина

Протокол для его сиятельства

«Автор»

2026

Зими́на М.

Протокол для его сиятельства / М. Зимина — «Автор», 2026

«Отклик на ноже ваш, Ксения Дмитриевна. Ненависть. Очень чистая». Вчера я была майором полиции и снимала отпечатки в подвалах Казани. Сегодня мне двадцать, на дворе 1899 год, я сижу в камере в платье, испачканном кровью отца, которого я не знала, а лучший маг-следовик губернии уверен, что убила его я. Здесь не снимают отпечатков. Здесь читают чувства с вещей, и чары, говорят, не ошибаются никогда. Восемнадцать лет работы научили меня одному: настоящий след всегда немного грязный. До последней чёточки совпадают только подделки. У меня неделя до проверки, которая покажет, что в теле Ксении живёт кто-то другой. И граф, рядом с которым почему-то тихо. В книге будет: попаданка-криминалист и её протоколы магическая Российская империя, зима 1899 года запертый кабинет, нож для бумаг и подделанные чары холодный граф-следовик с сахаром в кармане чучело медведя, которое служит понятым от подозрения до любви законченное дело и счастливый финал

© Зимина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кладка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Марта Зими́на

Протокол для его сиятельства

Глава 1. Кладка

Кости нашли в половине второго ночи. К трём в подвале на улице Горького стояли четверо мужчин, и ни один из них не хотел подходить к стене ближе чем на два метра.

Я их понимала. Я тоже не хотела. Я хотела домой, под одеяло, и чтобы этот подвал случился с кем-нибудь другим. Но дежурила по графику Лиля Сафина, а у Лили двухлетний сын с температурой тридцать девять, и в одиннадцать вечера она позвонила мне голосом человека, который уже плачет, но ещё держится. Я сказала: «Спи, я съезжу». Потом лежала и думала, что вызова не будет. Февраль, минус двадцать три, в такую ночь даже убивать лень.

Вызов был.

— Татьяна Ринатовна, — сказал Ильдар, опер из Вахитовского, и посветил фонариком себе под ноги, как будто я могла забыть, где у меня ноги. — Там, это. Древнее всё. Может, археологов?

— Может, — сказала я. — Сначала я.

Ильдару было двадцать шесть, он носил куртку на рыбьем меху и шапку с ушами, которые не опускал из гордости. Уши у него были малиновые. Рядом переминался прораб в жёлтой каске поверх капюшона и двое рабочих в оранжевых жилетах. Один курил в рукав. Второй смотрел в телефон и время от времени крестился, неумело, слева направо.

Дом готовили под снос. Двухэтажный, каменный, позапрошлого века, с полукруглыми окнами и треснувшим балконом. Последние лет сорок в нём сидела какая-то контора по снабжению, потом его купил застройщик, и на заборе теперь висел баннер с белозубой семьёй на фоне будущего жилого комплекса «Лядской квартал». Семья на баннере улыбалась так, будто под ней никогда не было ни одного подвала.

Подвал был сводчатый, кирпичный, низкий. Под потолком тянулся временный кабель с лампами в сетках, половина не горела. Пахло сырой известью, мышами и бензином от генератора во дворе. Пол земляной, утопанный, в одном углу кучей лежали старые деревянные полки, гнилые, с ржавыми гвоздями.

Я поставила чемодан на перевёрнутое ведро, достала перчатки, натянула две пары одна на другую. Пальцы сразу перестали гнуться. Налила из термоса кофе в крышку, сделала глоток. Кофе я заварила дома, крепкий, с кардамоном, как варила эби в Арске, и он единственный в этом подвале был на моей стороне.

— Кто нашёл? — спросила я.

— Они, — сказал Ильдар и кивнул на рабочих.

— Мы полки разбирали, — сказал прораб, хотя спрашивали не его. — Под снос всё. Стенку ломом стукнули, а там пусто. Пробили, а там это.

«Это» сидело в нише за стеной.

Ниша была неглубокая, сантиметров семьдесят, когда-то её заложили кирпичом в полтора ряда. Рабочие выбили кусок кладки на уровне груди, и в дыре, в свете моего фонаря, стал виден скелет. Он сидел, подтянув колени, спиной к задней стенке. Голова завалилась на плечо. На нём ещё держались остатки одежды: что-то тёмное, суконное, истлевшее до кружев, и сапоги, в которых, как всегда, сохранилось больше, чем хотелось бы.

Я посмотрела на скелет. Скелет посмотрел на меня тем, что у него осталось.

— Ну здравствуй, — сказала я. — Давно сидишь?

Ильдар кашлянул. Он у нас недавно, он ещё не привык, что эксперты разговаривают с трупами. Я разговариваю с ними восемнадцать лет. Они хорошие собеседники: не перебивают, не врут и всегда рассказывают больше, чем ты спросил. Надо только слушать.

Палыч говорил: труп не врёт. Врут те, кто его нашёл.

Палыч, Валерий Павлович Хромов, учил меня всему, что я умею, а теперь сидел на пенсии в Дербышках, курил «Яву» на застеклённом балконе и звонил мне раз в месяц, чтобы рассказать, какие мы все идиоты без него. Он был прав. Он почти всегда был прав, это в нём бесило больше всего.

Я посветила на пол перед нишей.

Протокол осмотра. Пол земляной. Перед проломом в кладке кирпичная крошка, пыль, обломки раствора. Следы обуви рабочих, рисунок «ёлочка», сорок четвёртый, сорок пятый размер, натоптано густо, как на танцах. Окурков у стены шесть. Два из них уже холодные и раскисшие от сырости, четыре свежие.

Я посветила внутрь ниши.

Череп лежал не там, где ему положено. Он не завалился на плечо, как мне показалось сначала. Он лежал на плече, аккуратно, затылком к стене, а позвонки шеи под ним шли в другую сторону. И на кирпичной крошке у самых сапог скелета был отпечаток рабочей перчатки. Пятерня. Большой палец оттопырен.

На задней стенке ниши, пониже, на уровне колен сидящего, кирпич был исчи́ркан короткими светлыми полосками. Много, близко друг к другу. Крысы, решила я. Крысы за сто лет чего только не исчи́ркают.

— Во сколько, говорите, пробили стену? — спросила я.

— В час, — сказал прораб. — В начале второго.

— А до часу что делали?

— Работали.

— Ночью?

— У нас сроки.

Я посмотрела на два раскисших окурка, потом на прораба. Прораб посмотрел на свою каску, как будто там было что-то написано.

— Череп кто трогал? — спросила я.

Курящий в рукав рабочий вздрогнул и перестал курить.

В итоге выяснилось, конечно. Выяснилось всё, как оно всегда выясняется в подвалах в три часа ночи. Стену пробили в шесть вечера. Прораб позвонил начальнику, начальник сказал «вы что, охренели, какая полиция, у нас снос в понедельник», и следующие шесть часов они думали, как тихо вынести всё это в мешке на свалку. Один из рабочих, тот, который крестился, полез внутрь за черепом, взял его, испугался и положил обратно, но не туда. Потом второй рабочий, Бахтиёр, сказал, что по-человечески так нельзя, что это чей-то отец или чей-то сын, и что он сам позвонит в полицию, если они не позвонят. Прораб позвонил в половине второго. Бахтиёра я потом записала в протокол отдельной строкой и очень хотела пожать ему руку, но у меня были две пары перчаток, а у него варежки.

— Ну и чего там? — спросил Ильдар, когда прораба увели наверх давать объяснения. — Древний же? Значит, не наше?

— Древний, — сказала я. — Сто лет минимум. Скорее больше.

— Ну вот. Тогда археологи.

— Ильдар, иди сюда.

Он подошёл. Медленно, как к собаке, которая не на цепи.

Я посветила на череп. На левой теменной кости, чуть выше и позади уха, была вмятина. Округлая, с ровным краем с одной стороны и трещинами, расходящимися звёздочкой, с другой. Сантиметра три, может, чуть меньше.

— Это что? — спросил Ильдар.

— Это его ударили, — сказала я. — Чем-то тяжёлым, узким, с ребром. Кочергой, молотком, монтировкой. Скорее всего сзади, скорее всего правша. Потом посадили сюда и заложили кирпичом.

— Сто лет назад.

— Сто лет назад.

— И чё нам с этим?

Хороший вопрос. Я сама его себе задавала. Ничего нам с этим. Убийца давно умер, следователь, который не нашёл бы его, тоже умер, свидетели, соседи, городской на углу, все давно лежат на Арском кладбище, и если у кого-то из них и остались внуки, то внуки не знают, что их прадедущка однажды заложил в подвале стенку. Дело откроют и закроют. Кости поедут в морг, потом в лабораторию, потом на полку в коробке с номером. И всё.

— Протокол с этим, — сказала я. — Как обычно.

Я достала фотоаппарат, линейку, бирки. Работа успокаивает. Работа это когда руки знают, что делать, и голове можно ни о чём не думать. Голова у меня в ту ночь была занята не тем. Голова думала, что сегодня среда, а значит, завтра четверг, и в четверг вечером позвонит мама из Арска и спросит, как дела, и не встретила ли я кого-нибудь хорошего, и не пора ли уже, Танечка, тебе сорок один, и я опять скажу «мам, я на работе», хотя буду не на работе.

(Мама в тот четверг не дозвонилась. Я до сих пор об этом думаю чаще, чем обо всём остальном.)

Я снимала нишу общим планом, потом по частям. Сапоги. Кисти рук, мелкие кости рассыпались по коленям, как бусы с порванной нитки. Остатки сукна. На груди, там, где когда-то была пола пальто или форменной тужурки, в истлевшей ткани застряли две медные пуговицы, позеленевшие, с каким-то гербом. Я посветила ближе. Двуглавый орёл и буквы по кругу, не разобрать.

А на коленях у скелета, между костями пальцев, лежала лупа.

Я не сразу поняла, что это лупа. Сначала мне показалось, что там кусок бутылочного стекла в тряпке. Я сняла кадр, потом пинцетом отогнула край истлевшей тряпки. Под тряпкой оказалось круглое стекло в бронзовой оправе, размером с крупное печенье, и рукоять из какого-то тёмного рога, гладкая, будто её долго держали в руке.

Стекло было целое. Ни одной царапины. Сто с лишним лет в сырой нише под кирпичом, и ни одной царапины. Бронза потемнела, но не позеленела, как пуговицы.

— Это чего? — спросил Ильдар у меня над плечом. Он уже освоился и дышал мне в ухо.

— Лупа.

— Его?

— Не знаю.

Я перевернула её пинцетом. На оправе с обратной стороны была гравировка. Две буквы с точками, с завитками, как делали раньше на портсигарах и часах:

Д. Б.

Я взяла её в руку. Потом я сто раз спрашивала себя, зачем. Я не беру улики в руку, даже в перчатках, если можно взять пинцетом. Палыч за такое бил линейкой по пальцам, буквально, у него была железная линейка на тридцать сантиметров, и он ею пользовался. Но я взяла. Она была тяжёлая и почему-то тёплая. Сквозь две пары перчаток тёплая, в подвале, где изо рта шёл пар.

Я поднесла её к глазам и посмотрела сквозь стекло на кладку.

Кирпичи через линзу стали большие и рыжие, и каждая трещинка в растворе была видна отдельно. Я поводила лупой. Там, где кладка была старая, раствор серел. А на одном участке, внизу, у самого пола ниши, раствор был другой, светлее, и сквозь стекло мне показалось, что он светится. Совсем чуть-чуть, как светится снег под фонарём, когда фонарь уже выключили.

— Ильдар, — сказала я. — Посвети сюда.

Он посветил. Ничего не светилося. Обычный раствор.

Я опустила лупу и посмотрела без неё. Ничего. Подняла лупу. Светится.

— Татьяна Ринатовна, — сказал Ильдар странным голосом. — А у вас сверху сыплется.

Сверху сыпалось. С кирпичного свода над нишей, прямо мне на шапку, тонкой струйкой текла рыжая пыль. Я подняла голову. По своду от пролома шла трещина, которой минуту назад не было. Я точно знала, что не было, я снимала этот свод общим планом. Она шла медленно, как идёт трещина по льду, когда ты уже на середине реки и понимаешь, что зря.

Потом я узнала: рабочие ещё днём сняли подпорки из-под свода, потому что «всё равно сносить», а пролом в нише выбили как раз там, где этот свод опирался на стену. Потом я много чего узнала. Тогда я только успела подумать, что лупу надо положить обратно, это вещдок, я за неё расписываюсь.

Я её не положила.

Свод издал звук, который я не могу описать. Что-то среднее между вздохом и выстрелом. Ильдар закричал «Таня!», без отчества, первый и последний раз. Меня ударило по плечу, по голове, по спине, и стало темно, и в этой темноте было очень тяжело, и очень холодно, и я всё ещё сжимала в руке тёплую рукоять из рога.

И почему-то пахло печным дымом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.